

Стремление к внутреннему диалогу как форма саморефлексии лирических субъектов

В. Цоя и И. Кормильцева

Зинаида Г. Станкович

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, iky-opna@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется проблема возможности внутреннего диалога как пути к себе в форме литературной саморефлексии на материале творчества В. Цоя и И. Кормильцева. С этой целью проводится сравнительный анализ текстов песен «Я – асфальт» авторства В. Цоя и «Никомуникабельность» И. Кормильцева. Лирические субъекты обоих авторов используют для этого «вспомогательные средства», такие как письмо (у Цоя) и телефон (у Кормильцева). Выявлено, что эти средства связи, контакта с самим собой создают эффект максимального острашения, возможности взглянуть на себя как на иного субъекта и таким образом выйти в пространство саморефлексии, которая является характерной чертой мироощущения авторов русской рок-поэзии. Оба поэта так или иначе поднимают проблему одиночества. Лирический субъект Цоя замкнут в собственном мире, где играет различные жизненные роли, но в то же время размышляет о возможности выхода к другим людям. В тексте Кормильцева, наоборот, представлена избыточная коммуникация с иными индивидами, что в итоге препятствует внутреннему диалогу лирического субъекта. Отсюда трагическая «никомуникабельность», при которой у героя нет времени и возможности для общения с собой, но и нет желания раскрыть душу абстрактным собеседникам. Попытку саморефлексии в произведении Цоя можно считать во многом состоявшейся, тогда как лирический субъект Кормильцева, несмотря на неоднократные усилия, никак не может наладить контакт с собой.

Ключевые слова: русская рок-поэзия, саморефлексия, внутренний диалог, острашение

Для цитирования: Станкович З.Г. Стремление к внутреннему диалогу как форма саморефлексии лирических субъектов В. Цоя и И. Кормильцева // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 3. С. 84–91. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-84-91

The aspiration for internal dialogue as lyrical subjects' self-reflection form in works of V. Tsoi and I. Kormil'tsev

Zinaida G. Stankovich

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia, uky-onna@yandex.ru*

Abstract. The article examines the issue of internal dialogue possibility as a way to oneself in the form of literary self-reflection on the material of V. Tsoi's and I. Kormil'tsev's works. For that purpose, a comparative analysis of the songs' texts "Ya – asfal't" by V. Tsoi and "Nikomunikabelnost" by I. Kormil'tsev is carried out. The lyrical subjects of both authors use such "auxiliary means" as letter (Tsoi) and telephone (Kormil'tsev) in order to reach internal dialog. It is revealed that those means of communication and contact with oneself create an effect of maximal defamiliarization, the ability to look at oneself as at different subject and thus enter the space of self-reflection which is a characteristic feature of Russian rock poetry's authors worldview. Both poets somehow raise the issue of loneliness. The lyrical subject of Tsoi is closed in his own world where he plays various life roles but at the same time he thinks about the possibility of access to other people. Kormil'tsev's text, on the contrary, presents excessive communication with other individuals which ultimately hampers the internal dialogue of the lyrical subject. Hence the hero gets into a tragic situation: he has no time and opportunity to communicate with himself but also no desire to open his soul to abstract interlocutors. The self-reflection attempt in the work of Tsoi can be considered largely successful, while the lyrical subject of Kormil'tsev despite repeated efforts can not establish contact with himself.

Keywords: Russian rock-poetry, self-reflection, internal dialogue, defamiliarization

For citation: Stankovich, Z.G. (2021), "The aspiration for internal dialogue as lyrical subjects' self-reflection form in works of V. Tsoi and I. Kormil'tsev", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural studies" Series*, no. 3, pp. 84–91, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-84-91

Рассуждая об экзистенциально-трагедийном начале в русской рок-поэзии, Н.В. Ройтберг отмечает, что «художественному сознанию рок-поэтов присущи абсолютизация состояния конфликтности индивида с окружающей реальностью, педалирование тем смерти, войны, безумия как экспликантов крайних, предельных состояний и ситуаций, обостряющих саморефлексию и переживание человеком «чтойности» бытия» [Ройтберг 2011, с. 12]. Это выска-

зывание во многом верно, однако думается, что в действительности саморефлексия в русской рок-поэзии обнаруживает себя не только через обозначенные данным автором темы, но и гораздо шире, так как и сама рок-поэзия – явление достаточно разнообразное. Мир вокруг современного человека очень полифоничен, и часто бывает трудно найти и обозначить в нем свое место, что и становится одной из причин возникновения саморефлексии, которая может проявить себя в художественном творчестве.

В данной статье хотелось бы подробнее поговорить о песне «Я – асфальт» (1982 г.) группы «Кино» и «Никомуникабельность» (1987 г., автор текста И. Кормильцев) группы “Nautilus Pompilius”. Эти два коллектива демонстрируют достаточно интересные варианты саморефлексии на совершенно разных уровнях. Так, например, часто проявлением саморефлексии становится функционирование одного и того же сюжета в различных жанрах, однако жанры эти не обязательно должны быть ограничены одним видом искусства. Виктор Цой в рассказе «Романс», а также создавая свои живописные работы и снимаясь в кино, обращался к образам и мотивам, которые могут быть обнаружены и в его рок-поэзии. В произведениях разных видов искусства, созданных В. Цоем, можно обнаружить общий хронотоп «город – ночь», локусы квартиры и кухни, оппозицию «улица – “теплое место”», мотив драматической жизни героя в современном обществе и прием гротескного соединения комического и страшного¹.

Что касается “Nautilus Pompilius”, то за время существования группы два основных автора ее песен, И. Кормильцев и В. Бутусов, также продемонстрировали целый спектр видов и форм саморефлексии. Так, в последние годы существования коллектива и позднее В. Бутусов неоднократно экспериментировал с музыкальной составляющей нескольких композиций. В этом ряду можно упомянуть инструментальную композицию «Три хита» (1997 г.), из которой был полностью исключен вербальный план. В 2003 г. Бутусовым была осуществлена полная замена музыкального компонента песни «Прогулки по воде» на музыку Б. Гребенщикова из трагедийной песни «Старик Козлодоев». В.А. Гавриков пишет, что «песня “Прогулки по воде” посвящена некоторым моментам из земной жизни Христа <...>. При соединении с профанным <...> пафос претекста снижается и вся песня “Прогулки по воде” превращается в некую шутку» [Гавриков 2011, с. 219].

И. Кормильцев является одним из авторов исследования «Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция»,

¹См. подробнее об этом: [Харитоновна 2018; Станкович 2020].

в котором, наряду с достижениями других рок-поэтов, анализируется и творчество самого Кормильцева как создателя большинства текстов группы “Nautilus Pompilius”.

Все вышеперечисленное дает возможность предположить, что и другие формы саморефлексии могут быть обнаружены при более подробном анализе творчества данных авторов и – шире – коллективов в целом.

Песни «Я – асфальт» и «Никомуникабельность» необычны и интересны попыткой обоих лирических субъектов войти в пространство диалога с самими собой при помощи предметов-посредников. Какие же это предметы?

У Цоя в самом начале второго куплета песни лирический субъект сообщает: «Я получил письмо от себя себе»². Если рассматривать текст в целом, данное парадоксальное послание оказывается немного в тени троекратного повтора самономиниции «Я – асфальт». Однако стоит признать, что расположение этого образа сразу после рефренной строки, дополненное странностью самой ситуации, обращает на себя достаточно пристальное внимание слушателя и читателя.

Лирический субъект Кормильцева ставит себя в несколько иную ситуацию: он пытается дозвониться до себя по телефону. Хотя само слово «телефон» в тексте не упоминается, это устройство становится одним из основных образов песни, что происходит благодаря активизации лексико-семантического поля, в которое попадают «телефонный номер», «занят», «позвонил», «короткие гудки» и даже «кабель», ведь в двух последних стихах слово «никомуникабельность», фигурировавшее в названии, распадается на четыре: «ни кому ни кабельность»³.

Итак, попытка коммуникации важна для героев обоих текстов, но можно ли считать ее состоявшейся? Казалось бы, общение лирического субъекта Цоя с самим собой удалось, он получил письмо, тем не менее автор частично разрушает иллюзию, утверждая: «Я получил чистый лист». На первый взгляд может показаться, что неисписанная бумага – это полное отсутствие информации, но если вдуматься, это еще и пространство, которое в перспективе может быть заполнено знаками. Таким образом, чистый лист можно истолковать как приглашение к диалогу. Кроме того, лирический субъект сообщает, что лист «зовет к тебе», то есть содержит некое подобие информации, подталкивающее к активизации отношений

²Цой В.Р. Группа крови. М.: Эксмо, 2008. С. 248.

³NAUTILUS POMPILIUS: Введение в наутилусоведение. М.: Терра, 1997. С. 253.

с кем-то еще помимо самого себя. Лирический субъект песни «Я – асфальт» в достаточно сильной степени самодостаточен и замкнут на самом себе, утверждая: «Я свой сын, свой отец, свой друг и свой враг». Вероятнее всего, именно из-за этого коммуникация с внешним миром оказывается для него затруднена: сразу же после слов «Я получил чистый лист, он зовет к тебе» следует утверждение «Я не знаю, кто из вас мог бы мне помочь».

Какое отношение к этому всему имеет асфальт? Асфальт – это нечто твердое, прочное и надежное, все идут и едут по асфальту. Только он сам ни к кому не идет и никуда не едет. Хотя чистый лист зовет его, но может ли он куда-то идти: он же асфальт! Да и как ему уйти? Тогда как пойдут люди и поедут машины? Чтобы пойти, ему надо себя взломать.

В песне «Никомуникабельность» ситуация выглядит еще более драматичной, так как лирический субъект вообще не оказывается способен наладить диалог с самим собой: «Всегда-то мой номер кем-то занят / Когда бы себе я не позвонил». Е.В. Исаева так объясняет поступок лирического субъекта данной песни:

Лирический герой жаждет общения с самим собой. При этом он звонит себе по телефону. И расстраивается, что не может поговорить. Абсурдная ситуация. Глупая. (...) Вероятно, общение с иными собеседниками он считает априори невозможным. Получается, что у лирического героя есть сильная потребность в общении, но нет того, с кем он мог бы общаться, кроме самого себя, что тоже оказывается невозможным [Исаева 2016, с. 118].

Этот вывод исследовательницы представляется не совсем бесспорным. Так, необходимость диалога с самим собой может быть продиктована не только отсутствием собеседников, но и их абсолютным переизбытком (номеречно занят!), и именно это как раз и затрудняет возможность внутреннего диалога, обостряя в то же время потребность в остраении, заставляя без конца повторять (всегда-то) попытки взглянуть на себя со стороны, как на другого человека, а возможно, и как-то поговорить, пообщаться, договориться с самим собой. Именно в этом мы можем увидеть стремление персонажа к саморефлексии. Телефон дает почти идеальную возможность для остраения: на том конце провода по определению должен находиться другой субъект. Кроме того, нельзя утверждать, что общение с иными собеседниками невозможно, если учесть, что «всегда-то мой номер кем-то занят». Диалог с другими людьми происходит, однако возникает вопрос о его нужности и смысле. В чем-то положение лирического субъекта Кормильцева здесь схоже с состоянием, описан-

ным Е. Евтушенко в стихотворении «Со мною вот что происходит»: «О, сколько / нервных / и недужных, / ненужных связей, / дружб ненужных! / Куда от этого я денусь?! / О, кто-нибудь, / приди, / нарушь / чужих людей соединенность / и разобщенность / близких душ!»⁴. Возможно, лирический субъект не в состоянии раскрыть душу «пустым» собеседникам, ведь не случайно в числе значений слова «некоммуникабельность» фигурируют скрытность и замкнутость. Герой оказывается поглощенным абсолютным одиночеством, в котором невозможно продуктивный диалог ни с самим собой, ни с другим. Кормильцев подчеркивает это троекратным повтором в последних двух стихах: «Ни кому ни кому ни кому ни кабельность».

Как уже удалось заметить, замкнутым в самом себе оказывается и лирический субъект Цоя, однако мы можем увидеть, что он не просто одинок, а создал вокруг себя особый мир, где все зависит лишь от него самого: «Я начинаю день и кончаю ночь». Он дает себе номинации, раздавая все возможные роли: отца, сына, друга и врага. При этом оппозиция «отец – сын» указывает на то, что герой сам себя создал, а друг и враг как нельзя лучше воплощают рефлексивное начало внутри единой личности. Однако герой чувствует необходимость выйти из заданного им самим круга к другим субъектам, не зная при этом, кто бы мог ему в этом помочь. Он чувствует страх, сомневаясь в правильности своей идеи: «Я боюсь сделать этот последний шаг».

У Цоя мы можем видеть, что саморефлексия лирического субъекта по большей части состоялась – он дал самому себе имена, а значит, оценил себя и назначил роли в собственном маленьком мире. Таким образом, диалог с самим собой имел определенный результат, хотя и происходил в странной форме: как уже говорилось, письмо «от себя себе» оказалось чистым листом бумаги. В результате у героя появляется шанс победить свою некоммуникабельность и выйти в пространство диалога с другими людьми, а через них – и с собой. Финал произведения, по сути, открыт – лирический субъект остается в пространстве выбора: сделать или нет этот последний шаг.

В «Никомуникабельности» Кормильцева такого выбора нет, ибо диалог с самим собой у лирического субъекта так и не произошел, а значит, не было и возможности для саморефлексии. Герой спрятался от самого себя за постоянными разговорами с «кем-то»,

⁴Евтушенко Е. Со мною вот что происходит [Электронный ресурс] // Культура.РФ – гуманитарный просветительский проект, посвященный культуре России [2013–2021]. URL: <https://www.culture.ru/poems/26573/so-mnoyu-vot-cto-proiskhodit> (дата обращения 11 марта 2021).

возможно, пугаясь своего «я». В этом как раз и скрывается всеобъемлющая некоммуникабельность, полное одиночество, не дающее возможности для беседы даже с самим собой. Выхода из этого положения не видится, и не случайно при этом песня завершается словами «ни кому ни кабельность».

Подводя итог исследования, хочется сделать ряд выводов. Во-первых, и у Цоя, и у Кормильцева диалог с самим собой может служить способом оценки лирическим субъектом собственного «я». Предмет-посредник при этом служит способом остранения, если угодно максимального удаления героя от себя привычного. Во-вторых, по-разному складываются отношения каждого из персонажей с внешним миром. Лирический субъект Цоя боится его и сомневается, вступать ли ему в диалог с другим человеком или людьми. У Кормильцева же такой диалог происходит постоянно, но, видимо, обесценивается в свете невозможности саморефлексии субъекта. В-третьих, в обоих произведениях обнаруживает себя во многом драматическое состояние души героев и заметно их стремление как-то его изменить.

Литература

- Гавриков 2011 – *Гавриков В.А.* Русская песенная поэзия XX века как текст. Брянск: Брянское СРП ВО, 2011.
- Исаева 2016 – *Исаева Е.В.* Альбом группы “Nautilus Pompilius” «Ни Кому Ни Кабельность» // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. трудов. 2016. Вып. 16. С. 113–119.
- Ройтберг 2011 – *Ройтберг Н.В.* Что есть «рок», или экзистенциально-трагедийное начало как смысловая доминанта рок-текста // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. трудов. 2011. Вып. 12. С. 7–13.
- Станкович 2020 – *Станкович З.Г.* Образно-сюжетные связи лирики и живописи В. Цоя как выражение саморефлексии автора // Казанская наука. 2020. Вып. 19. С. 182–187.
- Харитоновна 2018 – *Харитоновна З.Г.* Рассказ Виктора Цоя «Романс» как опыт литературной саморефлексии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 2. С. 293–296.

References

- Gavrikov, V.A. (2011), *Russkaya pesennaya poehziya XX veka kak tekst* [Russian song poetry of the 19 century as text], Bryanskoe SRP VOG, Bryansk, Russia.

- Isaeva, E.V. (2016), "The album of the band 'Nautilus Pompilius' 'Ni komu ni kabelnost' ", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Sbornik nauchnykh trudov*, iss. 16, pp. 113–119.
- Kharitonova, Z.G. (2018), "The story 'Romance' by Viktor Tsoi as an attempt of literary self-reflection", *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4 (82), part 2, pp. 293–296.
- Roitberg, N.V. (2011), "What is 'rock', or the existential-tragic base as a semantic dominant of the rock text", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Sbornik nauchnykh trudov*, iss. 12, pp. 7–13.
- Stankovich, Z.G. (2020), "Imagery and plot connections of V. Tsoi's lyrics and paintings as expression of the author's self-reflection", *Kazanskaya nauka*, no. 5, pp. 12–17.

Информация об авторе

Зинаида Г. Станкович, кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлёвская, д. 18; uky-onna@yandex.ru

Information about the author

Zinaida G. Stankovich, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420008; uky-onna@yandex.ru